

**В вихре
времени**

Михаил ЛАНЦОВ

Вождь

«Мы пойдем другим путем!»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л 22

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *П. Ильина*

Ланцов, Михаил.

Л 22 Вождь. «Мы пойдем другим путем!» / Михаил Ланцов. — Москва : Яуза : Эксмо, 2016. — 352 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-699-86622-9

Владимир Ильич Ульянов, великий герцог Тихоокеанский, гранд 1-го класса Испанской короны, герцог де Аляска, граф Грумант, гвардии капитан Российского Императорского флота, флигель-адъютант Свиты Его Императорского Величества...

И все это – Ленин, который «ПОШЕЛ ДРУГИМ ПУТЕМ», решив не разрушать, но созидать. Не развязывать, а предотвратить Революцию. Стать Вождем не кровавого Интернационала, а Великой России.

Правда, перед этим в его тело вселился наш современник...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ланцов М.А., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-86622-9

Предисловие

Все мы привыкли, что вечно живой вождь мирового пролетариата постоянно бродит по миру в виде призрака коммунизма и устраивает каверзы честным людям в форме различных революций. А они, как известно, проходят по сценарию Чернобырдина: «Хотели как лучше, получилось как всегда». То есть оставляют после себя одни руины, кровь и социально-политическую разруху. Революции, после которых приходится долгие годы прибираться и пытаться восстановить то, что порушила разбушевавшаяся толпа, ведомая фанатиками и бандитами. Но что будет, если Владимир Ильич Ленин окажется совсем другим? Если он пойдет другим путем?

Само собой, выбирать среди «оттенков серого» мы не станем. Ибо это слишком томно и скучно. Поэтому я предлагаю довольно резкий, наглый и масштабный вариант, при котором в тело Владимира Ильича Ульянова, еще не знакомого со своим псевдонимом, вселяется наш современник. Да не просто так, а сохранив связь с нашим временем. Плохо это или хорошо? Кто знает. Но я попробую поставить на «одну восставшую дизельную лодку против всего американского атомного флота»¹.

¹ Цитата из хулиганского фильма Д. Уорда «Убрать перископ» (1996 г.).

Михаил Ланцов

То есть человека, пусть и наделенного большими возможностями, против объективных исторических процессов и обстоятельств.

И да, безусловно, все, что вы найдете на просторах этой книги, было выдумано мной, а любые совпадения случайны.

Пролог

*1 июня 2014 года.
Российская Федерация. Москва*

Владимир Ильич Соловьев стоял у большого окна и любовался кровавым закатом с высоты пятьдесят второго этажа «стеклянного карандаша» новой московской реальности. Сегодня был очень важный день в его жизни — он уходил. Нет, не вообще. Здоровье, слава богу, было вполне нормальным. Он уходил, оставляя бизнес молодым и горячим акулам капитализма, что сворой вились у него за спиной. Пятьдесят пять лет и пятьдесят пять миллионов долларов состояния, переведенного в активы высокой ликвидности. То есть, говоря по-простому, в обычные деньги на счетах. Можно было теперь покататься по миру, никуда не спеша. Пожить, как говорится, в удовольствие. Конечно, Владимир понимал, что с его деятельным характером не получится долго бездельничать, но весьма внушительные деньги, что оставались у него «на посошок», позволяли не думать о грустном. Захочет — танк соберет по чертежам, захочет — самолет. Жаль только, поздно в космос лететь. Но да ничего. И без того дел хватит.

Можно было бы и не уходить. Но скучно. Неинтересно. Пресно. Остро не хватало вкуса жизни. Да и ради чего или кого ему стремиться к стяжанию?

Блиzkих людей у него не было — все умерли по разным причинам. А ему многого было не нужно.

Соловьев обернулся.

У двери стояла Изабелла Юрьевна Папаяни — его верный друг и помощник. Причем, что удивительно, несмотря на определенную симпатию друг к другу, за столько лет удалось обойтись без секса. Даже в пьяном виде. Они боялись нарушить ту тонкую и нежную грань доверия, что была между ними. Точнее, не они, а он. Владимир прекрасно понимал, какие страсти могут начаться, пусти он Изабеллу к себе в постель. Тем более что последние двенадцать лет он был одиноким вдовцом и матримониальные шансы у нее были нешуточные. Оттого и держал дистанцию, закономерно опасаясь не выдержать. Несмотря на то что Изабелла была прекрасным помощником в бизнесе, видеть ее в роли своей жены ему не хотелось. Причем решительно. Красивая, эффектная, соблазнительная... и безжалостная. Не женщина, а хищник, с сексуальным возбуждением от удовлетворения ее амбиций и кошелька.

Ну, все.

Пора.

Владимир Ильич легко подхватил кожаную сумку и направился на выход. Чмокнув на проходе Изабеллу Юрьевну в щечку и с некоторым сожалением проведя рукой по ее соблазнительному бедру, он устремился навстречу новой жизни. Новой судьбе.

Два часа в пробках — и счастливый обладатель элитного автомобиля смог наконец выехать за пределы МКАД. После чего он уронил ногу на педаль газа и понесся вперед раненым бегемотом. Ждать не хотелось. Ни одной лишней секунды. Тем более что на своей даче старый друг Лев Борисович Вайнштейн обещал сюрприз. А он всегда умел удивлять.

— ...Ну, давай рассказывай, чем хотел порадовать? — произнес, завершив встречный ритуал приветствия, Владимир.

— Помнишь, сколько раз мы спорили о тех или иных вопросах в истории?

— Как такое забыть? — усмехнулся Соловьев.

— Так вот. Я придумал, как разрешить все наши споры. Причем раз и навсегда к обоюдному интересу обоих.

— И как же? В душу к тем, кто вершил историю, не заглянешь.

— В душу, может быть, и не заглянешь, а вот их глазами посмотреть на преданье старины далекой вполне можно.

— То есть как? — опешил Владимир.

— Тебе же не нравятся мои теории, — отмахнулся Вайнштейн. — Давай лучше отметим твое освобождение и просто попробуем.

— Дело говоришь! Пойдем. А то я сегодня из-за нервов даже завтракать не стал.

— Ты? Не стал?

— Сам удивляюсь.

Посидели хорошо, но мало. Впрочем, как обычно. Перебирать Владимир не любил.

— Итак, Лева, я весь горю от нетерпения, как та девица в первое свиданье, — немного поюродствовал Соловьев. — Давай уже рассказывай, что ты там придумал.

— Если отбросить теорию...

— Отбросить, отбросить. Не до нее.

— Тогда тебе нужно просто сесть в кресло. Я надеваю на тебя вон ту фигну, жму несколько кнопок, и ты смотришь глазами какого-нибудь исторического персонажа.

— Что, так просто?

— Да, так просто, — довольно улыбнувшись, кивнул Вайнштейн. — Хотя, если хочешь, могу объяснить и намного сложнее.

— К черту! Зачем усложнять?

— Вот и я так думаю. Итак, кого выбираем?

— А кого можно?

— Хочешь — царя, хочешь — простого крестьянина. Пространство и время не ограничено. Главное — чтобы ты мог ясно представить себе этого кадра. Поэтому если хочешь поглазеть на древность какую-нибудь, то до нее придется долго и мучительно добираться поколение за поколением. Кстати, при желании мы сможем отследить эволюцию человеческого вида. Правда, я не уверен, что с примитивными приматами моя схема будет работать. Ладно. Кого ты выбираешь?

— Когда был Вова маленький, с кудрявой головой...

— Ты серьезно?

— А чего мелочиться? Или не сможешь?

— Отчего же? Вполне.

Встали. Пошли. Подключили. Лев Борисович нажал на нужные кнопки. А вот дальше все пошло так, как это обычно и происходит в таких ситуациях. И последнее, что услышал Соловьев, были какой-то противный зуммер и удивленный возглас Вайнштейна: «Упс...» Ответить ему Владимир не успел, хоть и очень хотел. Потому что вокруг все стало темно и мокро. «Ну, Лева, ну, дружок, ну погоди...» — только и успел подумать Соловьев, теряя сознание.

ЧАСТЬ I

Мы пойдем другим путем!

Жертва должна поверить,
что ты ее друг.

К/ф «Револьвер»

Глава 1

22 апреля 1886 года.

Российская Империя. Симбирск

Владимир пришел в себя так же быстро, как и отключился. Словно просто подали напряжение на обесточенный электродвигатель. Сколько времени прошло? Черт его знает. Он ничего не помнил и не понимал. Да еще эти странные ощущения, словно он перебрал крепленых напитков. Причем изрядно.

Но лежать и ждать у моря погоды было скучно, поэтому он попытался открыть глаза и сфокусировать взгляд. Удалось на удивление легко и просто. Но радости это не принесло, потому что Владимир замер в полном ступоре. Ведь на него со стены смотрели иконы. Иконы! Судя по всему, православные, хотя он в них особенно не разбирался. И это в доме старого еврея-атеиста?!

— Мама! Мама! — вдруг закричала какая-то девушка откуда-то сбоку. — Вовка проснулся! Мама!

Он повернул голову, чтобы посмотреть на источник шума, и замер. Как же так? Ведь Лева утверждал, будто я ограничусь только ролью наблюдателя. Ни управлять телом, ни общаться с реципиентом будет нельзя. Вообще. Только наблюдать и фиксировать

факты, ощущения, чувства. «Тогда как понимать вот это?» — подумал Соловьев и поднял руку, рассматривая ее. Хотя какой он теперь Соловьев? «Маленький Вова нашел пулемет... бедная деревня...»

— Сынок! — бросилась его обнимать уже немолодая женщина. — Я так рада, что ты очнулся. Мы так все переживали.

— Что со мной случилось? — осторожно поинтересовался Ульянов. Да-да, именно Ульянов. Потому что тот «упс» Левы в сочетании с этими странностями предельно членораздельно говорил о том, что он теперь именно вождь мирового пролетариата... в зародыше.

— Ты не помнишь? — с искренним сочувствием поинтересовалась... мама.

— Нет. Просто потемнело в глазах, и все. Ничего не помню.

— Бедненький... — Обняла и стала его вроде как успокаивать эта женщина.

— Мам! — резко произнес Вова, попытавшись вернуть эту женщину в конструктивное русло.

— Люди говорят, что ты остановился, покачнулся и упал. Никогда такое не видели. Трезвый, здоровый, молодой. И на ровном месте такая беда...

— А доктор что сказал? — Вполне состоятельная семья потомственных дворян, к которой он теперь относился, могла себе позволить доктора даже без острой на то нужды.

— Он советовал тебе больше отдыхать. А вечером обещал быть.

— Понятно, — кивнул Вова. — Тогда так и поступим. Только если можно, я хотел бы покушать.

— Марфа, — выразительно произнесла женщина, глянув на служанку, довольно симпатичную, кстати.

— Все сделаю, Мария Александровна, — кивнула она и убежала.

Сразу после этих слов мама шикнула на молодежь и вышла за ними, прикрыв дверь. Покушать ему организовали очень быстро. Мало того, его заинтересованные взгляды находили живой отклик у чуть смутившейся Марфы. И, прояви он немного настойчивости, но чисто мужской интерес был поражен пошлой усталостью, так что, тяжело вздохнув и для порядка шлепнув служанку по упругой попке, отправил ее уносить грязную посуду. А сам завалился спать.

Вечерело.

Шум в гостиной пробудил новоиспеченного Ульянова от легкой дремы. Так и есть. Врач.

— Ну-с, молодой человек, — обратился весьма опрятный мужчина с добрыми, располагающими глазами, — как вы себя чувствуете?

— Все хорошо.

— Ничего не болит?

— Нет, — покачал головой Вова.

— Ну-ка, молодой человек, встаньте. Хорошо. Пройдитесь. Просто по комнате. Так. Так. Хорошо. Вытяните руки...

Доктор немного Владимира погонял и оставил в покое, посчитав, что тот потерял сознание от излишних волнений, вызванных смертью отца. Потому что даже убогое объяснение лучше, чем ничего. Тем более что никаких признаков проблем со здоровьем врач не наблюдал. После чего Иван Сидорович¹ покинул его комнату, порекомендовав пациенту хорошенько выспаться. А сам отправился с Марией Александровной в гостиную, где они болтали еще битые два часа. Он, видно, был ей хорошим знакомым, так

¹ Имеется в виду Иван Сидорович Покровский — домашний врач семьи Ульяновых, лечивший их безвозмездно. По одной из легенд, именно он биологический отец Владимира и, возможно, прочих детей Марии Александровны.

что повод поделиться сплетнями имелся замечательный. Впрочем, когда он ушел, наш юный падаван не слышал. Даже не пытался. В конце концов, Мария Александровна была женщина вдовая и какой-никакой, а мужской ласки ей хотелось. Пусть и платонического толка. И кто он такой, чтобы становиться поперек естества? Тем более что Иван Сидорович мужчина был вполне приличный. Самое то, чтобы встретить старость вместе.

Кроме того, Владимиру было не до того. Он лежал на постели в тишине и смотрел на мутноватое стекло окна. Спать совсем не хотелось. А в голове буквально ревел натуральный шторм мыслей. Совершенно неожиданная ситуация с классической формулировкой. Кто виноват — ясно. И даже в глаз не дашь — не родился пока виновник. А вот вопрос «что делать?» был вполне дискуссионный. Убежать в Бразилию и щупать на лианах милых дам? Скучно и противно. Но ведь впереди революция. И не одна. Море крови. Разруха. Голод. Террор. И прочие прелести развитого счастья, в которых Владимиру участвовать совсем не хотелось. Тем более что он хоть и был вождем мирового пролетариата, да притом весьма уважаемым, но это там. В той реальности. А здесь и сейчас ему совесть не позволит встать на сторону революционеров. Он ведь знает, что ничем хорошим их затея не закончится. Да и прекрасно понимает, кто и зачем оплачивает банкет предстоящей кровавой феерии. Этаким большой Майдан всея России с весело сигнающими революционерами, стремящимися сжечь и уничтожить старый мир, дабы построить новый. И плевать, что он станет бредовым. Старого-то нет. Сравнивать не с чем будет. Так что сначала разрушить до основания все. Потом любая фигня окажется достижением... В чистом поле-то...

Не добившись от себя каких-либо внятных решений, Вова попросту заснул, решив с этим букетом мыслей переспать. А то и не один раз. Раньше всегда помогало.

— Сынок! Сынок! — его тормошила за плечо... мама.

— А? — ошалело уставился на нее Вова, едва не выдав что-то в духе: «Ты кто?» Хорошо хоть быстро проснулся и узнал эту немолодую женщину. Да и под-сознание заворчалось эмоциональными посылами.

— Тебе же в гимназию идти. Неужто забыл?

— Да, да. Уже встаю, — кивнул Владимир, протирая глаза... «Гимназия? Этого мне еще не хватало...»

Глава 2

29 мая 1886 года.

Российская Империя. Москва

Учеба в классической гимназии в последнем, восьмом классе закончилась для нашего героя очень быстро. Владимиру хватило ровно одного дня на то, чтобы понять — это пустая трата времени и сил... заодно и план действий сложился в единую «картину маслом». Основан он был на том приятном факте, что знания прежнего владельца тела начали постепенно всплывать в его сознании. И особенно быстро и ярко — в те моменты, когда становились критически важны. Начал положил случай перед уроком древнегреческого языка. Кто-то из одноклассников тихо зубрил одно место из «Илиады», и Владимир, совершенно автоматически, вспомнил и эту цитату, и дальнейший текст, и главу, откуда это было взято. Нечто похожее повторилось на уроках латыни и закона божьего — тех предметов, незнание которых превращало в прах его